

УДК 321

Шульц Э.Э.

Центр политических и социальных технологий

121433, г. Москва, ул. Большая Филёвская, д. 55/1/45, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЕ РАДИКАЛЬНЫХ МАССОВЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

Аннотация. Статья посвящена проблеме социальной составляющей радикальных массовых форм социального протеста. Проанализировав такие явления, как гражданские войны, революции, восстания, мятежи и массовые антиправительственные акции, автор приходит к выводу, что основу радикальных массовых протестов составляют молодёжь и образованные слои общества, относящиеся к социальным категориям «интеллигенция» и «средний класс». В случае перехода акций протеста в гражданскую войну в борьбу вовлекаются все слои общества. Как установлено автором, по мере исторического развития роль и численность крестьянства в акциях протеста снижаются, а доля городских жителей (среднего класса и интеллигенции) растёт.

Ключевые слова: социальный протест, молодёжный бугор, классовый вопрос, крестьянские войны, гражданская война.

E. Shul'ts

Center of Political and Social Technologies

55/1/45, Bol'shaya Filevskaja st., Moscow, 121433, Russian Federation

TO THE QUESTION OF A SOCIAL BASE OF RADICAL MASS FORMS OF SOCIAL PROTEST

Abstract. The article is devoted to the problem of the social component of radical mass forms of social protest. Analyzing such phenomena as civil wars, revolutions, insurrections, revolts and mass anti-government actions, the author comes to the conclusion that the basis of radical mass protests is made up of young people and educated sections of society that belong to the social categories of "intelligentsia" and "middle class". In case of protest actions transition into a civil war all sectors of society are involved into the struggle. As it is stated by the author, the role of the peasantry in protests decreases as the historical development goes on, their quantity declines, and the proportion of urban residents (from the middle class and the intelligentsia) is growing.

Keywords: social protest, youth bulge, class conflict, peasant wars, Civil wars.

Восстания, мятежи, революции, гражданские войны, массовые антиправительственные выступления, приводящие к столкновениям с силами правопорядка, являются радикальными массовыми формами социального протеста, принимающего крайнюю степень агрессивности и противостояния и вовлекающими в свою орбиту значительное количество участников [31, с. 5,6; 330–332; 32]. Актуальность всестороннего изучения именно таких форм социального протеста обусловлена той угрозой, которую такие протесты несут для политической системы, стабильности государства и общества в целом.

Одним из важных и малоизученных вопросов в данной тематике является проблема социальной базы: какие социальные группы выступают основой радикальных массовых форм социального протеста? Наиболее значимой и влиятельной в подходах оказалась концепция «классового конфликта», которая разрабатывалась с XVIII в. и получила завершённый вид у К. Маркса [4, с. 385; 5, с. 140,141; 14, с. 424, 427; 18, с. 318, 324]. Однако у подобного подхода нашлось и множество противников [19, с. 31, 59, 246].

Шмуэль Эйзенштадт среди участников революций выделял: 1) разнообразие групп из крупных и средних землевладельцев и городских слоёв; 2) разнородные группы крестьянства; 3) традиционные городские группы и зародыш нового городского пролетариата; 4) новые интеллектуальные и религиозные секты, группы и движения; 5) институциональные организаторы и особенно новые политические элиты. Эйзенштадт подчёркивал, что независимая интеллигенция играла ведущую роль во всех рассматриваемых им революциях [35, с. 31, 246]. То, что интеллектуалы, интеллигенция и средний класс являются ядром радикальных форм социального протеста, отмечал целый ряд исследователей революций и проблем радикального социального протеста в обществах (Л. Эдвардс, С. Хантингтон, Э. Хобсбаум, Р. Дарендорф) [3, с. 104; 23, с. 293; 24, с. 180; 34, с. 111].

Многие проявления радикальных массовых форм социального протеста в конце XX в., и особенно события цветных революций и арабской весны начала XXI в., вроде бы опровергают классовую теорию и вообще ограничивают участие различных городских слоёв, а также подтверждают выводы об интеллигенции и среднем классе [32]. Однако существуют и современные примеры вовлечённости широких слоёв общества в социальный и политический конфликт в государствах: Ливия, Сирия, Йемен, Непал, Бирма [29; 30, с. 294,295].

Насколько справедливы выводы исследователей, и какие подходы следует применять при прогнозировании текущих и будущих конфликтов, возникших на основе радикальных массовых форм социального протеста?

Изучение вопроса осложняется отсутствием статистических или других точных данных, что обуславливает необходимость сравнительного анализа в широком историческом контексте. В пользу последнего говорит и то, что в историческом развитии положение вещей менялось.

Задачей настоящего исследования является определение социальных групп, которые составляют социальную базу каждого крупного проявления радикальных массовых форм социального протеста. Это позволяет ответить на группу вопросов, в частности, о классовости революций (буржуазия и пролетариат), о том, почему современные события охватывают только небольшую часть городской среды, что принципиально отличает их от предшествующих исторических явлений, и характерно ли это для всех современных радикальных массовых форм социального протеста.

В качестве материала для анализа были взяты все значимые проявления радикальных массовых форм социального протеста: от крестьянских войн XV в. и революций XVII в. до сегодняшнего дня. Данные проявления считались однотипными, несмотря на различие их стратегий и тактик. Суть явления заключается в отстаивании гражданами своих принципов и убеждений путём столкновения с силами правопорядка, связанного с риском потери свободы, здоровья и даже жизни. Формами таких столкновений являются демонстрации протеста (например, некоторые «бархатные революции», события в Египте, Тунисе, Марокко, Саудовской Аравии и других арабских странах в 2011 г., в которых уровень противостояния может дойти до использования подручных и заготовленных средств атаки и защиты (булыжники, арматура, дубины, «коктейли Молотова» и т. д.), мятежи, восстания и полномасштабная гражданская война. К последней относятся все крестьянские и религиозные войны Европы XV–XVIII вв. и все революции XVII–XX вв.

Что касается национально-освободительных революций, то в них были вовлечены все социальные страты общества. Такое положение вещей было характерно и для многих революций других видов и типов, которые сопровождалась гражданской войной [30, с. 223, 231]. Примером участия разных социальных страт в революции является Мексиканская революция 1910–1917 гг., в ходе которой на севере против центрального правительства выступили работники горняцких посёлков и скотоводческих ферм, жители приграничной с США территории и индейцы; а на юге шла настоящая крестьянская война [16, с. 298–300]. Таким же образом дело обстоит и с так называемыми пролетарскими революциями XX в., среди которых Русская революция является примером наибольшей доли рабочего класса в общем числе участников. По данным переписи населения, в последний предвоенный год (1913 г.) рабочих в России насчитывалось менее 10% населения,

80% составляло крестьянство [20, с. 77, 87]. Самые оптимистические подсчёты исследователей дают 4–4,5 млн. рабочих [17, с. 198] на 171-миллионную (с Финляндией и Польшей) империю [20, с. 58, 77, 87]. В.И. Ленин называл цифру 15 млн., включая в число протестующих рабочих и членов их семей, а также промысловиков, кустарей, батраков и подёнщиков [12, с. 533; 13, с. 326,327].

В.И. Ленин резко реагировал на замечания, что основу партии и революционного движения в целом представляет интеллигенция, но вынужденно соглашался, что в партии действительно крайне мало рабочих [11]. Начало революций 1905–1907 и 1917 гг. рассматривается рядом исследователей как атака интеллигенции на власть в условиях резкого обострения всех социальных противоречий [15, с. 49; 22, с. 20; 31, с. 83, 84]. Реалии второй половины 1917 г. показали, что большевики стали аккумулировать широкий социальный протест, который был связан не с классовым представительством, а с желанием покончить с войной и прекратить лишения [9, с. 255–257; 10, с. 396; 19].

Китайская революция также совершена интеллигенцией и крестьянством (как основным классом страны). Вместе с тем, со второй половины 1948 г. в документах КПК всё чаще упоминался рабочий класс в качестве руководящей силы Китайской революции [6, с. 429]. Это был вопрос идеологии, как и в Русской революции.

Кубинское руководство, для которого идеологические штампы не имели определяющего значения, оставило более объективные суждения. Социальной базой Кубинской революции её лидеры считали интеллигенцию, студенчество, крестьянство, мелкую буржуазию, рабочий класс [7, с. 113; 8, с. 158, 159]. Че Гевара считал, что на Кубе «революцию делали главным образом крестьяне» [8, с. 158, 159]. С его точки зрения, ряды повстанцев составляли 60% крестьян, 10% рабочих и 10% представителей буржуазии [8, с. 158, 159]. Эти 20% рабочих и буржуазии – представители города: рабочие в широком понимании трудового городского населения, студенты и интеллигенция. При этом следует учитывать, что Че Гевара имеет в виду суммарное участие различных социальных групп в партизанской войне на протяжении 5–6 лет, ядро движения с начала и до конца представляла молодая интеллигенция. Среди партизанских лидеров и «движения сопротивления» в целом (и это характерно для всех революционных движений Латинской Америки XX столетия) были представлены адвокаты, архитекторы, врачи, инженеры, учителя и профессора университетов, а также студенты и молодые офицеры [38, р. 24–25]. Как отмечали американские современники, Кубинская революция была революцией «сыновей и дочерей среднего класса во имя рабочих и крестьян» [1, с. 361].

Крестьянство и рабочий класс создавали количественное большинство в полномасштабном социальном противостоянии. Крестьянство, например, с точки зрения численности участников, кроме крестьянских войн, стало основой, всех революций, сопровождавшихся гражданской войной (пожалуй, кроме Английской революции XVII в.). Рабочие выступали массовой социальной силой в некоторых революциях 1848–1849 гг. в Европе, в революции 1871 г. в Париже, Русской революции 1905–1922 г. и некоторых других. Однако «запалом» этих революций, теми, кто начал протестные выступления, организовал их, были не рабочие. Более того, в победивших революциях, таких как Русская, по численному составу участников в армиях разных сторон рабочий класс снова проигрывал крестьянству.

Революции XX в. даже дали основание определять данный период истории как век «крестьянских революций». К последним относят события в России 1905–1907 гг., революции в Мексике, Китае, на Кубе, во Вьетнаме и др. [37, р. 5]. Крестьянская война в период Мексиканской революции 1910–1920 гг. демонстрирует своеобразный переходный вариант между обычной крестьянской войной и крестьянской армией как основной боевой силой революции в Китае 1920-х – 1940-х гг., на Кубе и во Вьетнаме [30, с. 230].

Крестьянство традиционно в основном поддерживает действующую власть, поэтому оно стало значительной социальной базой новых режимов в России после гражданской войны, на Кубе, а также в Германии после прихода нацистов к власти. В современном урбанизированном обществе в период «бархатных» и «цветных революций» жители сельской местности проявили пассивность, что дало перевес «протестным массам».

Традиционно считается, что крестьянство не «воюет за идею», крестьянин является более «приземлённым», ему необходимо «пощупать» то, за что необходимо бороться и т. д. Такое мнение вполне отвечает действительности, однако не до конца справедливо. Крестьянин готов воевать за идею, что ярко демонстрируют крестьянские и религиозные войны XV–XVIII вв. и выступление Вандеи против Парижа в Великую французскую революцию. Действительно, в ходе большинства крестьянских бунтов восставшие требовали предоставить им землю. Однако это не перечёркивает примеров «идейного бунта», поскольку земля для крестьянина – это не просто экономическая единица, это душа крестьянина и часть его понятий о доме, семье, собственном «Я».

При анализе крестьянского бунта, вне зависимости от страны происхождения, принято приписывать этому бунту традиционализм, консерватизм и борьбу с нововведениями в качестве основных характерных черт [25, с. 151]. Утверждения бунтовщиков о золотом веке в прошлом, ностальгия по утраченному идеалу и порядку – это внешнее проявление,

действительно характерное для массового сознания, а не только для крестьянского мышления. Однако данные установки могут выступать лишь в качестве идейного прикрытия борьбы за новшества. Так, например, в крестьянских восстаниях 1905–1907 гг., а затем 1917 г. крестьяне в России требовали земли – т. е. нововведений, аргументируя «древностью», «утерянными распоряжениями», «справедливостью» и т. п. При всём традиционализме мышления сельчан «крестьянские революции» в странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии создали новые общества. Протест интеллигенции, которой чаще удавалось успешно вести за собой городские низы, нежели крестьянство, в Новое и Новейшее время всегда был направлен на разрушение старого и установление нового порядков. Именно идеи обновления и страстное стремление к новизне определили все революции XVIII–XX вв.

Современные реалии демонстрируют перевес городских слоев в радикальных массовых акциях протеста. Однако следует учитывать, что такое положение наблюдается в каждой революции, которая избежала гражданской войны. Это было характерно для Английской революции, Великой французской революции 1789–1793 гг., революции во Франции 1830 и 1848 гг., Парижского восстания 1871 г. (Парижская коммуна), для Февральской революции в России 1917 г., революции 1952 г. в Боливии, революциях в Египте 1952 г., Ираке 1958 г., Ливии 1969 г., Апрельской революции 1960 г. в Корее, «Революции гвоздик» 1974 г. в Португалии, для так называемых бархатных революций 1989–1991 гг. и др. [30, с. 149, 151, 230–231]. Такое положение вещей было характерным для большинства «цветных революций», к которым типологически относятся и события арабской весны. Что же касается событий в Ливии и Сирии, то здесь мы наблюдаем длительный полномасштабный конфликт, который вовлек в свою орбиту все крупные социальные группы [29; 32].

Интеллигенция и средний класс традиционно сравнивают общественные порядки и уровень жизни с более развитыми странами или ориентируются на идеальные модели. Эти социальные группы, равно как и молодёжь, сильно подвержены идеологическому влиянию, где мотивационными рычагами часто выступают идеальное переустройство мира и вопросы самореализации при новых обстоятельствах.

Участие молодёжи в протестных движениях вызвало к жизни концепцию «молодёжного бугра». По мнению её авторов, демографический дисбаланс (высокая доля молодёжи в обществе) ведёт к росту протестных настроений и их выплеску. По мнению Джека Голдстоуна, большинство революций XX в. произошли там, где наблюдался описанный феномен [36].

Однако такой «молодёжный бугор» присутствовал далеко не в каждой революции XX в. и не при каждом выплеске социального протеста. Кроме того, в случаях, когда такой демографический фактор наблюдается, нельзя с уверенностью говорить, что именно он сыграл определяющую роль, и, тем более, что стал причиной взрыва социального протеста [27; 29; 31, с. 390–392; 32].

Так, в России начала XX в. и в Германии 1920–1930-х гг. наблюдалась большая доля молодёжи в обществе, в то время как на Кубе ничего подобного не было. В современных событиях высокая доля молодого населения отмечается только в арабских странах, но не в государствах бывшего СССР и «восточного блока», где прошли «цветные революции» [27; 32; 33]. При этом следует учитывать, что тот «молодёжный бугор», который сформировался в России к началу XX в., был частично нивелирован потерями в Первой мировой войне. Что же касается Веймарской Германии и прихода нацистов к власти, то следует заключить, что «молодёжный бугор» придавал специфику политической борьбе, но не сыграл решающей роли, тем более, не стал основной причиной противостояния в немецком обществе и победы НСДАП [27]. И в России, и в Германии с точки зрения социальной базы протеста речь должна идти не о молодёжи как главной составляющей, а о более старших поколениях, сохранивших политические взгляды и планы общественного переустройства [28]. Наиболее «молодёжным» протестом являлись события Кубинской революции, где руководство и первоначальный костяк партизанского отряда составляла молодёжь. Однако во всех трёх указанных примерах большая доля молодёжи в партиях и боевых организациях растворилась, когда социальный протест охватил все слои общества [26; 33].

Отдельно следует рассмотреть активное участие женщин в революционных движениях и протестных выступлениях. Исследователи отмечают большой удельный вес женщин в революционных партиях и террористических революционных организациях [21, с. 10]. Однако Дж. Голдстоун высказывал сомнение в обоснованности подобных утверждений применительно к каждой революции XX в., так как женщины не получали в массе своей руководящих должностей [2, с. 82]. На наш взгляд, причина женской активности кроется в иных формах самореализации. Следует также учитывать целенаправленное проявление этой активности благодаря идеологической работе, которая находила и находит отклик у женщин. Так, например, в Русской революции такими мотиваторами, наряду с равноправием полов, которое имело большое значение для образованных слоёв, служили идеи замещения мужчин, ушедших на фронт или сидящих в тюрьме, борьбы за будущее детей и т. д.

Итак, историческое развитие демонстрирует убывание среди участников акций протеста крестьянства и рост числа городских жителей, а с ними среднего класса и интеллигенции. В период крестьянских войн и первых революций крестьянство превалировало над остальными социальными группами. Однако пока не доходило до масштабной гражданской войны, главными участниками радикального социального протеста выступали городские слои. Эта закономерность действует и для всех последующих массовых социальных протестов. В случае, если гражданское противостояние было краткосрочным, оно локализовывалось в городских пределах. Последнее было характерно и для французской революции, и для городских восстаний в Германии 1848–1849 гг., и для современных «цветных революций» и арабской весны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американская историография внешней политики США 1945–1970. М.: Наука, 1972. 405 с.
2. Голдстоун Д.Ж. К теории революции четвертого поколения // Философско-литературный журнал «Логос». 2006. № 5 (56). С. 58–103.
3. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / пер. с нем. Л.Ю. Пантиной; ред. пер. М.Н. Грецкий. М.: РОССПЭН, 2002. 288 с.
4. Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002. 536 с.
5. Жорес Ж. Социалистическая история французской революции : в 6 т. / под ред. А.В. Адо. Т. 1. Кн. 1. Учредительное собрание (1789–1791). М.: Прогресс, 1977. 519 с.
6. История Китая с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Л.В. Симоновская, М.Ф. Юрьев. М.: Наука, 1974. 534 с.
7. Кастро Ф. «Я абсолютно верю в марксизм» : лекция, прочитанная в Народном университете на тему о Единой партии социалистической революции, 1 декабря 1961 года // Кастро Ф. Избранные произведения. 1952–1986 гг. : пер. с исп. М.: Издательство политической литературы, 1986. С. 84–154.
8. Лаврецкий И.Р. Эрнесто Че Гевара. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1973. 400 с.
9. Ленин В.И. Большевизм и «разложение» армии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. Т. 32. М.: Политиздат, 1969. С. 255–257.
10. Ленин В.И. Заседание Центрального Комитета РСДРП(б) 16 (29) октября 1917 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 394–397.
11. Ленин В.И. Конспект речи по вопросу об отношениях рабочих и интеллигентов в социал-демократических организациях // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. Т. 10. М.: Политиздат, 1967. С. 388.
12. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : 55 т. 5-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1971. 609 с.
13. Ленин В.И. Что такое «дружба народа» и как они воюют против социал-

демократов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 125–346.

14. Маркс К. Письмо И. Вейдемейеру, 5 марта 1852 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. Т. 28. М.: Политиздат, 1962. С. 422–428.

15. Нефёдов С.А. Истоки 1905 года: «Революция извне»? // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 47–60.

16. Паркс Г.Б. История Мексики / пер. с англ. Ш.А. Богиной. М.: Издательство Иностранной литературы, 1949. 365 с.

17. Рейман Н. Заметки по интерпретации 1917 года // Отечественная история. 1994. № 5. С. 195–204.

18. Сен-Симон К.А. де Рассуждения литературные, философские и промышленные. Об общественной организации // Сен-Симон К.А. де Избранные сочинения : в 2 т. : пер. с фр. / под общ. ред. В.П. Волгина. Т. 2. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. С. 273–363.

19. Сорокин П.А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005. 704 с.

20. Статистический ежегодник России. 1913 г. (Год десятый). СПб.: Издательство Центрального статистического комитета, 1914. 113 с.

21. Суворов А.И. Политический терроризм в России XIX – начала XX веков. Истоки, структура, особенности // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 54–61.

22. Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М.: РОССПЭН, 1996. 235 с.

23. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах : пер. с англ. М.: Прогресс, 2004. 408 с.

24. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 480 с.

25. Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и революцией. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 240 с.

26. Шульц Э.Э. «Классовый подход» и «пролетарский характер» революции 1917 г. в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 3. С. 47–61.

27. Шульц Э.Э. Приход нацистов к власти в Германии и концепция «молодежного бугра» // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3 (30). С. 98–101.

28. Шульц Э.Э. Проблемные вопросы социальной базы НСДАП: к причинам успеха нацистов на выборах 1928–1933 гг. // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Социология. 2015. № 1. С. 42–53.

29. Шульц Э.Э. Сирия: к пониманию причин событий // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 29. С. 35–42.

30. Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2016. 400 с.

31. Шульц Э.Э. Технологии бунта (технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М.: Подольская фабрика офсетной печати, 2014. 512 с.

32. Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные революции» и «арабская весна» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 19. С. 46–54.

33. Шульц Э.Э. Феномен кубинской революции в контексте технологий управления социальным протестом // Приволжский научный вестник. 2014. № 4 (32). С. 145–153.
34. Эдвардс Л. Естественная история революции / пер. с англ. О.С. Грязновой // Социологический журнал. 2005. № 1. С. 101–131.
35. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. А.В. Гордона, под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
36. Goldstone J. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // Journal of International Affairs. 2002. Т 56. № 1. P. 3–21.
37. Malefakis E.E. Agrarian Reform and Peasant Revolution in Spain: Origins of the Civil War. New Haven, London: Yale University Press, 1970. 469 p.
38. Wickham-Crowley T.P. Guerrillas and Revolution in Latin America: A Comparative Study of Insurgents and Regimes Since 1956. Princeton: Princeton University Press, 1992. 424 p.

REFERENCES

1. *Amerikanskaya istoriografiya vneshnei politiki SSHA 1945–1970* [American Historiography of the USA. Foreign Policy 1945–1970]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 405 p.
2. Goldstone J. Toward the Theory of Revolution of the Fourth Generation. In: *Filosofsko-literaturnyi zhurnal «Logos»* [Philosophy and Literary Journal Logos], 2006, no. 5 (56), pp. 58–103.
3. Dahrendorf R. *Sovremennyyi sotsial'nyi konflikt. Ocherk politiki svobody* [Contemporary Social Conflict. Essay on Policy of Freedom]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 288 p.
4. Dahrendorf R. *Tropy iz utopii* [Trails out of Utopia]. Moscow, Praksis Publ., 2002. 536 p.
5. Jaures J. *Sotsialisticheskaya istoriya frantsuzskoi revolyutsii. T. 1. Kn. 1 . Uchreditel'noe sobranie (1789–1791)* [The Socialist History of the French Revolution. Vol. 1. B. 1. Constituent Meeting (1789–1791)]. Moscow, Progress Publ., 1977. 519 p.
6. Simonovskaya L.V., Yuriev M.F., eds. *Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [The History of China from Ancient Times to the Present Day]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 534 p.
7. Castro F. “I Absolutely Believe in Marxism”: Lecture Delivered at the Peoples University about the United Party of Socialist Revolution, December 1, 1961. In: Castro F. *Izbrannyye proizvedeniya. 1952–1986 gg.* [Selected Works. 1952–1986]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1986, pp. 84–154.
8. Lavretskii I.R. *Ernesto Che Gevara* [Ernesto Che Guevara]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1973. 400 p.
9. Lenin V.I. Bolshevism and the “Degeneration” of the Army. In: Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 32* [Complete Works. Vol. 32]. Moscow, Politizdat Publ., 1969, pp. 255–257.
10. Lenin V.I. The Sitting of the Central Committee of the RSDLP(b) 16 (29) October 1917. In: Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 34* [Complete Works. Vol. 34]. Moscow, Politizdat Publ., 1969, pp. 394–397.
11. Lenin V.I. Abstract from Speech on the Question of the Relationship of Workers and Intelligentsia in Social-Democratic Organizations. In: Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 10* [Complete Works. Vol. 10]. Moscow, Politizdat Publ., 1967, pp. 388.

12. Lenin V.I. The Development of Capitalism in Russia. In: Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii*. T. 3 [Complete Works. Vol. 3]. Moscow, Politizdat Publ., 1971. 609 p.

13. Lenin V.I. What “Friends of the People” are and how they Fight with Social-Democrats. In: Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii*. T. 1 [Complete Works. Vol. 1]. Moscow, Politizdat Publ., 1967, pp. 125–346.

14. Marx K. Letter to Weydemeyer, 5 March 1852. In: Marx K., Engel’s F. *Sochineniya*. T. 28 [Compositions. Vol. 28]. Moscow, Politizdat Publ., 1962, pp. 422–428.

15. Nefedov S.A. The Origins of the 1905 “Revolution from the Outside”? In: *Voprosy istorii* [Issues of History], 2008, no. 1, pp. 47–60.

16. Parks G.B. *Istoriya Meksiki* [History of Mexico]. Moscow, Izdateľstvo inostrannoĭ literaturny Publ., 1949. 365 p.

17. Reiman N. Notes on the Interpretation of 1917. In: *Otechestvennaya istoriya* [National History], 1994, no. 5, pp. 195–204.

18. Saint-Simon C.H. de Literary, Philosophical and Industrial Reasoning. On Public Organization. In: Saint-Simon C.H. de *Izbrannye sochineniya*. T. 2 [Selected Works. Vol. 2]. Moscow, Leningrad, Izdateľstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1948, pp. 273–363.

19. Sorokin P.A. *Sotsiologiya revolyutsii* [Sociology of Revolution]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 704 p.

20. *Statisticheskii ezhegodnik Rossii. 1913 g. (God desyatyi)* [Statistical Yearbook of Russia. 1913 (The Tenth Year)]. St. Petersburg, Central Statistic Committee Publishing Publ., 1914. 113 p.

21. Suvorov A.I. Political Terrorism in Russia in the Nineteenth – Early Twentieth Centuries. sources, structure, idiosyncrasies. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2002, no. 7, pp. 54–61.

22. Tyutyukin S.V., Shelokhaev V.V. *Marksisty i russkaya revolyutsiya* [Marxists and the Russian Revolution]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 235 p.

23. Huntington S. *Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies]. Moscow, Progress Publ., 2004. 408 p.

24. Hobsbawm E. *Vek revolyutsii. Evropa 1789–1848* [The Century of Revolution. Europe 1789–1848]. Rostov-on-don, Feniks Publ., 1999. 480 p.

25. Chekantseva Z.A. *Poryadok i besporyadok: protestuyushchaya tolpa vo Frantsii mezhdru Frondoi i revolyutsiei* [Order and Disorder: Protesting Crowd in France between the Fronde and the Revolution]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012. 240 p.

26. Shul’ts E.E. “Class Approach” and the “Proletarian” Revolution of 1917 in Russia. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2014, no. 3, pp. 47–61.

27. Shul’ts E.E. The Nazis Came to Power in Germany and the Concept of “Youth Bulge”. In: *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Surroundings. Development], 2015, no. 3(30), pp. 98–101.

28. Shul’ts E.E. Problem Questions of the Social Base of the NSDAP: the Reasons for the Success of the Nazis in the Elections 1928–1933. In: *Vestnik Rossiiskogo Universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2015, no. 1, pp. 42–53.

29. Shul’ts E.E. Syria: Understanding the Causes of Events. In: *Natsional’nye interesy: priority i bezopasnost’* [National Interests: Priorities and Security], 2014, no. 29 (266), pp. 35–42.

30. Shul'ts E.E. *Teoriya revolyutsii: revolyutsii i sovremennye tsivilizatsii* [Theory of Revolution: Revolution and Modern Civilization]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 400 p.

31. Shul'ts E.E. *Tekhnologii bunta (tekhnologii upravleniya radikal'nymi formami sotsial'nogo protesta v politicheskom kontekste)* [Technology of Rebellion (technology of Managing Radical Forms of Social Protest in a Political Context)]. Moscow, Podol'sk factory of offset printing Publ., 2014. 512 p.

32. Shul'ts E.E. Technologies of Rebellion: the "Colour Revolutions" and "Arab Spring". In: *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2014, no. 19, pp. 46–54.

33. Shul'ts E.E. The Phenomenon of the Cuban Revolution in the Context of Technology of Social Protest Management. In: *Privolzhskii nauchnyi vestnik* [Privolzhsky Scientific Bulletin], 2014, no. 4(32), pp. 145–153.

34. Edwards L. A natural history of revolution. In: *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2005, no. 1, pp. 101–131.

35. Eisenstadt Sh. *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii* [Revolution and Transformation of Societies. A Comparative Study of Civilizations]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1999. 416 p.

36. Goldstone J. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. In: *Journal of International Affairs*, 2002, vol. 56, no. 1, pp. 3–21.

37. Malefakis E.E. *Agrarian Reform and Peasant Revolution in Spain: Origins of the Civil War*. New Haven, London, Yale University Press, 1970. 469 p.

38. Wickham-Crowley T.P. *Guerrillas and Revolution in Latin America: A Comparative Study of Insurgents and Regimes Since 1956*. Princeton, Princeton University Press, 1992. 424 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шульц Эдуард Эдуардович – кандидат исторических наук, директор Центра политических и социальных технологий; e-mail: nuap1@yandex.ru

Eduard E. Shul'ts – PhD in Historical Sciences, Director at the Center of Political and Social Technologies; e-mail: nuap1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Шульц Э.Э. К вопросу о социальной базе радикальных массовых форм социального протеста // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Shul'ts E.E. To the question of a social base of radical mass forms of social protest. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2017, no. 2. URL: www.evestnik-mgou.ru